

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПОВЕСТИ В. СОСНОРЫ «ЧЕЛОВЕК И ЛОШАДЬ»

© Болнова Екатерина Владимировна (2021), SPIN-код: 7779-0276, ORCID: 0000-0003-4956-642X, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русской литературы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23), eka332@yandex.ru

В статье рассматриваются мифологические и литературные источники повести В. Сосноры «Человек и лошадь». Используются сравнительно-исторический, культурно-исторический, описательный, формальный методы литературоведческого исследования. В первой части анализируются сюжет, система образов, языковые и композиционные особенности данного произведения. Отдельно разбирается вопрос о жанровом своеобразии текста В. Сосноры. Автор определяет жанр произведения как историческую повесть, что потребовало комментария и пояснения, поскольку данная жанровая дефиниция применима к «Человеку и лошади» лишь с рядом оговорок. Делаются наблюдения, касающиеся присутствия в структуре произведения В. Сосноры сказочных элементов и мотивов, мифологических сюжетов и образов. Приводятся точечные совпадения с текстами Ф. Рабле, Ф.М. Достоевского, Р.Л. Стивенсона, Д. Лондона, Г. Мелвилла, Ж. Верна, В. Богомолова, А. Фадеева, М. Шолохова. Наибольшее внимание уделено контексту, связанному с отношением главного героя Самуила Мовшевича Шихеля к беговой лошади Магде. Проводятся параллели с образами героев романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина»: Вронского, Карениной и лошади Фру-Фру, – а также сюжетными ситуациями данного текста. Сопоставляются сходные мотивы гибели прекрасного животного по вине человека, символическая соотнесенность образов лошади и женщины. Делается вывод о том, что роман Л.Н. Толстого является важным литературным источником повести В. Сосноры «Человек и лошадь», помогающим адекватно и полно раскрыть авторский замысел. В заключении выражается мысль о том, что повесть В. Сосноры строится на взаимодействии с широким кругом литературных и мифологических источников, за счет чего локальная история частной жизни разрастается до широких обобщений.

Ключевые слова: В. Соснора, Л.Н. Толстой, образ лошади, реминисценции, аллюзии.

Повесть «Человек и лошадь», написанная В. Соснорой в 1967 году, входит в сборник «Вторая проза», состоящий из произведений, жанр которых автор обозначает как исторические повести. Данное

жанровое определение вызывает неоднозначную реакцию, так как сюжеты указанных произведений далеко отстоят от реальных исторических событий. Отчасти проясняет авторскую позицию предисловие Я. Гордина к данному сборнику. В нем проза В. Сосноры сопоставляется с пьесами Ф. Дюрренматта, Ж. Жироу, творчеством классицистов XVIII века, А.П. Сумарокова и В.А. Озерова. Я. Гордин пишет, что мы имеем дело с «жанром, существующим на границе между "псевдоисторической" и исторической прозой» [Гордин 2018, 6]. Далее ученый указывает на две принципиальные черты прозы Сосноры: она «историческая по своей исходной точке – он отталкивается от конкретного и серьезного знания» [Гордин 2018, 7] и «она «псевдоисторическая» по своему главному методу – превращению события в метафору, процесса – в систему метафор» [Гордин 2018, 7].

В интересующем нас произведении нет отсылок к значимым историческим событиям и деятелям. На первый взгляд неочевидно, почему автор включает ее в третью книгу последнего прижизненного собрания сочинений, составленного при непосредственном участии В. Сосноры. Данный том озаглавлен «Вторая проза» и включает в себя исторические повести, «написанные в конце 1960-х–1999 годы» [Соснора 2018, 4], как гласит аннотация. Значение прилагательного «историческая» применительно к данной повести не может быть объяснено через определение истории как области знаний, привлекающей различные свидетельства и источники для того, чтобы установить последовательность событий, объективность описанных фактов и сделать выводы о причинах значимых событий.

Таким образом, для адекватного прочтения текста В. Сосноры необходимо понять, каково значение прилагательного «историческая» применительно к повести «Человек и лошадь», которая по всем жанровым признакам должна быть отнесена к рассказам. Нам представляется обоснованным предположить, что В. Соснору интересует максимально широкий смысл, который может быть связан со словом «история». Это изучение прошлого человека. При таком толковании история частной жизни героя произведения В. Сосноры, Самуила Мовшевича Шихеля, который мог иметь прототип в реальной жизни, не уступает по значимости истории жизни Екатерины II или Г.Р. Державина. Я. Гордин справедливо отмечает гуманизм В. Сосноры, который находится «на стороне убитых, замученных, оболганных. За истерзанным страшной участью Иоанном Антонови-

чем видятся сотни и тысячи жертв самодержавного лицемерия в разные эпохи империи» [Гордин 2018, 8]. Продолжая эту мысль, можно говорить о том, что Шихель также одна из жертв столь же антигуманного режима, сменившего отжившее свое самодержавие.

В данной статье мы сосредоточимся на одном аспекте повести «Человек и лошадь» – на ее мифологических и литературных источниках. При этом основное внимание будет уделено контексту, связанному с отношением главного героя Самуила Мовшевича Шихеля к беговой лошади Магде. Сюжетная ситуация дана автором как анекдотическая, обернувшаяся, однако, трагедией.

В первых трех главах описывается отрочество Шихеля, который учился с автором в одном классе во Львове. Время действия начала повести обозначено как 1951 год. Главный герой бьет по лицу молоденькую учительницу за то, что она называет его ответ на вопрос о национальности ложью. Самуил Мовшевич Шихель настаивает на том, что он русский, а не еврей. Всех, кто «называл его евреем или думал, что он еврей» [Соснора 2018, 444], Шихель бьет, не делая исключений. Автор в духе Рабле подробно перечисляет, кого бил его герой: «Он бил: соучеников и учителей, соучениц и учительниц, пенсионеров и старух, секретарей райкома комсомола, парторгов, тренеров, полковников, спортсменов, инженеров, валютчиков, бандеровцев, профессоров, бильярдистов, грузин, иностранных туристов, фарцовщиков, амнистированных, официантов, драматических актеров, кандидатов наук, артистов цирка, банщиков, бухгалтеров, кассиров, врачей» [Соснора 2018, 444].

В рассказе о жизни Шихеля невозможно не заметить параллели с судьбами героев романа «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского: Раскольникова и семейства Мармеладовых, при этом он соединяет в себе черты Родиона Раскольникова и Сонечки Мармеладовой. «Шихель жил на чердаке, в крошечной камере – мать, отец, младшая сестренка и он, одно окошко, одна крестовина рамы, уборная за фанерной перегородкой, единственный костюм Шихеля (для праздников) висел в гипсовом чехле (чтоб не пропах уборной), а чернильницы подвешивались к потолку, чтобы сестренка не пролила чернила, или чтобы не выпила их» [Соснора 2018, 444–445]. Подросток с товарищами забирается в чужие сады и ворует там фрукты. Если для других детей это всего лишь игра, привлекающая своей опасностью, то для Шихеля это возможность помочь своей семье. Фрукты потом продают на рынке, а деньги герой

отдает родителям. При этом свои поступки, нарушающие и уголовный кодекс, и иудо-христианский запрет на воровство, Шихель поясняет товарищам, опираясь на детскую, но все же логичную концепцию: «Это самостоятельный и честный труд, – так утверждал Шихель. – У них миллионы, у меня – нуль. СССР – страна социализма. Будет мало им – купят, а мне – не на что» [Соснора 2018, 445].

Эти ночные вылазки привели подростков с сад к Командующему Закарпатским Военным Округом. Дальнейшие события повторяют расхожие сюжетные схемы военной прозы о подвигах советских людей во время Великой Отечественной войны (В. Богомолов «Иван», А. Фадеев «Молодая гвардия», М. Шолохов «Судьба человека»): героев предал один из них, «отличник с усиками» [Соснора 2018, 446]. Пойманные лейтенантом на месте преступления, они были приведены в подвал под дулом револьвера для допроса. Имевший неосторожность спросить Шехеля о национальности лейтенант был сражен главным героем, обезоружен. Подростки выбрались из подвала, угнали машину Командующего, погрузив в нее украденные фрукты. В качестве заложника с ними поехал шофер Командующего, который и продал на базаре фрукты, после чего был отпущен. Отличник-предатель на следующий день был повешен на тополе во дворе школы за шею таким хитрым образом, чтобы не удавиться. Итак, в этой части повести заметно влияние шпионских и приключенческих романов. Не случайно в одном из фрагментов автор сравнивает Шихеля с капитаном на мачте, что, вполне вероятно, отсылает к романам Р.Л. Стивенсона «Остров сокровищ», Г. Мелвилла «Моби Дик», Д. Лондона «Морской волк», а также романам Ж. Верна («Нам нравилось, что на этих фруктовых мачтах Шихель – наш капитан, и как он капитанствует!» [Соснора 2018, 445]).

Закончилась эта история достаточно неожиданно: «Вечером наш капитан был приглашен Командующим и вернулся улыбающийся, таинственный, влюбленный. Впоследствии Командующего посадили как агента какой-то разведки, а Шихель женился на его внучке» [Соснора 2018, 447]. Все предыдущие события начинают восприниматься в мифологическом или сказочном ключе. Похищение фруктов становится инициацией героя, испытанием, пройдя которое он получает в награду расположение сказочной принцессы. Однако, прежде чем жениться на внучке Командующего, Шихель совершил еще ряд подвигов: прыгнул с пятнадцатиметровой вышки,

не умея плавать, полетел на планере, прицепленном к самолету, без подготовки. Кульминацией испытания Шихеля становится бой с тремя (значимость данного числа в сказочных сюжетах многократно и подробно описана учеными) мастерами спорта: «три мастера спорта по классической борьбе (влюбленные каждый по-своему в ту же внучку) связали, отвезли в глиняный карьер, километрах в двенадцати от города, изуверски избили; Шихель приполз мертвый, отваялся в больнице, ходил в гипсах, в швах, походил так чуть-чуть и вдруг ни с того ни с сего все трое мастеров по классической борьбе, претенденты на чемпионов Олимпийских игр один за другим сошли с ковра. И в городе их не стало. Шихель за это время еще трижды лежал в больнице» [Соснора 2018, 447]. Глиняный карьер может быть интерпретирован как отсылка к Калинову мосту через реку Смородину в русских сказках: рубежу мира живых и мертвых, на котором происходит бой богатыря с различными многоголовыми змеями (число голов кратно трем).

О дальнейших одиннадцати годах автор рассказывает кратко: бывшие товарищи разъехались по разным институтам, изредка переписывались. Шихель сначала стал скульптором, потом мастером по пошиву обуви, заработал «всякие большие деньги» [Соснора 2018, 447], построил виллу для родителей, сестры, жены и двух детей.

Спустя одиннадцать лет автор получает от Шихеля телеграмму с просьбой приехать на похороны: «Приезжай хоронить. Шихель» [Соснора 2018, 447]. Через день пришла еще одна телеграмма с таким же текстом и с восклицательными знаками. Через три дня автор все же приехал в родной город и застал картину всеобщего траура. Автор подсаживается в такси к незнакомым людям и едет туда же, куда устремился весь город. Из разговора таксиста и пассажира автор узнает, что хоронят Шихеля, хотя при этом постоянно упоминают некую Магду, которая, вопреки ожиданиям, оказывается не женщиной, а лошадью. В четвертой главе, описывающей похороны Шихеля, значимыми становятся образ книги, мотив чтения, мотив влияния литературы на жизнь человека. Так, автор вспоминает, как на Лычаковском кладбище компания, руководимая Шихелем, собиралась по ночам для того, чтобы читать книги. «Когда-то мы, "каинисты", ходили ночью на это кладбище, ставили сторожу пузырь водки, забирались в какой-нибудь склеп и читали сказанья о Ваньке Каине, Эдгара По, Гофмана, или еще что пострашнее. Читал, бесспорно, Шихель, и белки во тьме у него становились, как у негра, блестя-

ли зубы. Шихель – маг тайны и страха. А на цинковых гробах были расставлены бутылки красноватого вина, икра в розетках, розы и гвоздики из моего сада, распахнутые апельсины, – все прекрасно, все страшно. Девочки нашей школы знали об этих посещениях, но идти с нами боялись, да и не приглашал их особенно никто, ходила только внучка Командующего, совсем малюсенькая девочка, лет тринадцати-четырнадцати с голубыми бантиками повсюду – в волосах, на платье, на рукавах, на лакированных туфельках. Для мужества мы брали с собой кинжалы, в подвалах после "панской Польши" их было множество, мы ритуально вынимали кинжалы из ножен и раскладывали их на крышках гробов крест на крест» [Соснора 2018, 449].

Чуть позже автор замечает, что у покойного Шихеля в гробу нет лица, поскольку тот покончил с собой, выстрелив в голову. Лицо заменяла гипсовая посмертная маска, которую Шихель сделал вместе с автором одиннадцать лет назад. Показательно, что данная идея возникла у него под влиянием литературы: «Вычитал про маску в книге о каких-то вождях и решил, не медля ни минуты, причислить себя к лику великих» [Соснора 2018, 450].

В пятой главе автор восстанавливает цепь событий, приведших Шихеля к решению покончить с собой. Стилистически глава интересна тем, что автор периодически включает в рассказ о триумфе и смерти Шихеля без кавычек словесные клише, используемые официальными лицами в похоронных речах, когда говорится о небезызвестных людях. В «результате сильнейших нервных потрясений в расцвете сил и славы погиб величайший спортсмен двадцатого века, сын простого типографского наборщика и сам по профессии скульптор и сапожник также, и он – жокей неслыханной силы воли, и грации, и красоты. За последние несколько лет он взял все призы СССР, Европы, Олимпа и Мира. Он любил лошадь, а лошадь любила его. Небезынтересно вспомнить первый дебют этого, без сомнения, гениального спортсмена» [Соснора 2018, 450]. Комический эффект, создаваемый за счет речевых средств, поддерживается анекдотичностью «первого дебюта». Во время всеукраинских соревнований «многократный чемпион Украины» упал с беговой лошади по кличке Магда, будучи сильно пьяным, и умер на месте. Лошадь по своей неопытности развернулась и побежала навстречу другим лошадям, участвующим в скачке. Естественно, должно было произойти серьезное столкновение, в котором могли пострадать и лошади, и жокеи.

Однако Шихель не растерялся, вскочил в седло, поднял Магду на дыбы, развернул на 180 градусов и поскакал впереди основной группы лошадей. Финишировав первым, он объяснил, что не может слезть с седла, так как первый раз сидит на лошади. С этого и началась его карьера в конных испытаниях.

Автор указывает на особенные отношения, связывавшие Шихеля и Магду: «После этого инцидента Самуил Шихель стал чемпионом поневоле. Он быстро освоил все приемы верховой езды, он сам заменил Магде конюха, он, правда, преступая все правила, держал Магду в собственноручно построенной конюшне в своем саду. Это была тесная и поучительная дружба человека и животного. И продолжалась она пять лет. Они всюду ходили вместе, даже по улицам. И милиция их знала» [Соснора 2018, 452]. Однако Шихель стал не просто жокеем с мировым именем, но и каскадером в кино. Он дублировал актеров, совершая сложнейшие конные трюки.

Единственный раз Шихель отказался от предложенного задания на съемках совместного советско-норвежского фильма о русско-варяжских связях в 9–10 веках. Его задача состояла в том, чтобы броситься на лошади со скалы. Описывая данный эпизод, автор передает право голоса самому Шихелю: «Он посмотрел на скалу и сказал, что просто оба режиссера – норвежец и наш – абсолютные и стопроцентные идиоты и дегенераты. Если им хочется бросаться – пусть бросаются. У него – хорошая лошадь, а не гений с крыльями и со ржаньем. Он не боится смерти, но, если еще заикнутся об этой скале – он сбросит с нее к чертовой матери всю труппу со всеми кинозвездами и юпитерами» [Соснора 2018, 452]. Шихель обыгрывает известный миф о Пегасе – крылатом коне, любимце муз – и фразеологизм «оседлать Пегаса», означающий обретение поэтического вдохновения. Далее автор снова переходит на стилистику официальных лиц, говорящих от имени страны и народа, но ничего общего с ним не имеющих: «Шихель был неумолим, но нас задело за живое. Мы знали – это капризы, нет ничего в мире, что нельзя было исполнить во имя Родины, да и приближался юбилей Первого Мая, тоже немаловажная дата в нашем календаре. Мы не могли позволить устраивать в этот день смех и издевательства иностранной прессы. Вот мы его и уговаривали неделю, не выпуская ни на шаг из отеля, он согласился и больше ни слова не сказал нам в ответ.

В канун Первого Мая он – прыгнул. Это было зрелище, неподражаемое по своей красоте. Если применить древнегреческие алле-

гории, он летел, как Гермес на крылатых сандалиях, над морем, распугивая чаек. Вся пресса взволнованно описала этот подвиг. Фотографии Шихеля и Магды продавались с аукциона. Слава нашей Родины возросла многократно. Мы все поздравляли его по телефону, потому что он заперся в номере, положил перед собой два норвежских револьвера, сидел, белый, с бутылкой виски, плакал, как маленький мальчик: приземляясь, Магда сломала холку и умерла. Пришлось вызвать полицию и взломать дверь номера, он сидел, почти без сознания от виски, вскочил и сказал, что в полицию стрелять не будет, а подайте ему свою сволочь. Кто это были «своя сволочь» – мы не знаем, мы понимали его нервное потрясение, бывает со всяким» [Соснора 2018, 453].

Шихель привез труп лошади во Львов, похоронил в своем саду, а спустя три дня застрелился сам. Завершается пятая глава, в которой фактически не звучит авторский голос, утрированно лицемерным выражением горя: «Его светлую память мы – чтим и да будут чтить ее и наши дети, и дети наших детей...» [Соснора 2018, 454]. Обращаясь к антитезе, автор изображает тех, кто действительно испытывает горе: родителей и жену Шихеля, – молчащими.

В последней, шестой главе автор возвращается к размышлениям по поводу смерти школьного товарища. Он пересказывает диалог случайных попутчиков (соседей по купе в поезде): «В купе выпивали и закусывали помидорами и куриными ножками. Говорили об игре в клюшки и о том, что кто-то убил какого-то жокея, чемпиона, сошедшего на нет уже лет семь назад, спившегося и зарабатывающего деньги только на дубляже второстепенных ролей в кинофильмах» [Соснора 2018, 454]. Завершается повесть размышлением о том, почему Шихель позвал на похороны лошади только своего друга детства.

Приведенный эпизод имеет легко угадываемые литературные источники. Прежде всего, это роман Л. Толстого «Анна Каренина». Во второй части, в главах XXIV–XXV, описана офицерская скачка с барьерами в Красном Селе, во время которой Вронский, неудачно опустившийся в седло во время прыжка, сломал спину своей лошади Фру-Фру. В литературоведении и критике и во время публикации романа, и в последующие годы была отмечена взаимосвязь образов Анны Карениной и лошади Фру-Фру (М.Е. Салтыков-Щедрин, П.Н. Ткачев, Ф.М. Достоевский, Э.Г. Бабаев, Д.С. Мережковский, Б. Леннkvист). Говорилось о параллелизме судеб, о сходстве в опи-

сании (в частности, об использовании автором одних и тех же эпитетов, сравнений) и отношении Вронского (Л. Толстой использует одни и те же психологические детали, описывая реакцию графа на смерть Фру-Фру и Анны). Известно, что в черновиках одним из вариантов имени главной героини было имя Татьяна Сергеевна Ставрович, а имя кобылы – Тину. Эйхенбаум указывает на очевидную параллель этих имен [Эйхенбаум 2009, 682]. Существует несколько вариантов, подготовивших смену имени животного в окончательной редакции, однако важно отметить, что параллель этих образов была изначально задана автором.

В тексте В. Сосноры лошадь зовут Магда. В этом имени можно увидеть отсылку к знаменитой египетской актрисе, снимавшейся под таким псевдонимом (настоящее имя Афаф Али Камель аль-Саббахи, годы жизни 1931–2020). В Советском Союзе фильмы с ее участием демонстрировались в 50-х–70-х годах. Среди наиболее известных можно назвать картины «Эта земля наша», «Джамиля», «Подростки», «Свадьба по доверенности», «Человек моего сердца». Актриса обладала весьма яркой, привлекательной внешностью, хрупкой фигурой и выразительным взглядом. Ее дебют в кино был столь же непрост, как и первая скачка Магды в повести В. Сосноры. Совсем юная девушка из богатой мусульманской семьи бегала на съемки тайком от родителей, прогуливая школу.

В. Соснора не только наделяет лошадь человеческим именем, но и поселяет ее фактически в доме Шихеля. Амбивалентность образа Магды подчеркивается уже при первом ее упоминании в диалоге таксиста с пассажиром:

«Да, – задумчиво сказал пассажир, – и говорят-то не о нем, а о Магде, так и говорят, пес их возьми: хороним Магду.

<...> – Из-за Магды и застрелился.

– 3-за коняги? 3-за бабы, бажаю!» [Соснора 2018, 449].

Повесть В. Сосноры с романом Л. Толстого роднит не только описание скачки как значимого сюжетного элемента, но и два других важных момента. Во-первых, трагическая гибель лошади в обоих случаях предвосхищает самоубийство человека. Как уже говорилось ранее, смерть Фру-Фру символически предсказывает гибель Анны: два прекрасных существа гибнут по вине Вронского, обоих он по-своему любил, хотя не только не сумел сделать из счастливыми, но и привел к смерти. Ряд исследователей отмечает, что Толстой судит Вронского значительно строже, чем других героев, в том чис-

ле Анну [Бабаев 1978, 67]. Он не только не снимает со своего героя ответственности за происходящее, но и отказывает Вронскому в возможности прощения. Его реакция на смерть Фру-Фру не вызывает сочувствия у читателя: «... теперь же он видел только то, что Махотин быстро удалялся, а он, шатаясь, стоял один на грязной неподвижной земле, а перед ним, тяжело дыша, лежала Фру-Фру и, перегнув к нему голову, смотрела на него своим прелестным глазом. Все еще не понимая того, что случилось, Вронский тянул лошадь за повод. Она опять вся забилась, как рыбка, треща крыльями седла, выпростала передние ноги, но, не в силах поднять зада, тот час же замоталась и опять упала на бок. С изуродованным страстью лицом, бледный и с трясущейся нижней челюстью, Вронский ударил ее каблуком в живот и опять стал тянуть за поводья. Но она не двигалась, а, уткнув храп в землю, только смотрела на хозяина своим говорящим взглядом» [Толстой 1987, 223].

В приведенной цитате отразился и второй важный момент, роднящий повесть В. Сосноры с романом Л. Толстого: смерть лошади из-за человека. В черновом варианте Фру-Фру зацепилась передними ногами за край канавы и сломала спину при падении. В окончательном варианте причиной гибели животного становится ошибка Вронского: он приземляется в седло во время прыжка и ломает ей спину. Таким образом, автор усиливает роль человека в произошедшей трагедии. Стоит отметить, что современная ветеринария отрицает возможность нанесения лошади подобной смертельной травмы во время преодоления препятствий. Дело в том, что в любом седле, в том числе и кавалерийском, есть канал между подушками или панелями седла, который защищает позвоночный столб животного. Седло располагается на длинейших мышцах спины, не касаясь позвоночника. Таким образом, в седле находится металлический каркас, обтянутый кожаными подушками. Естественно, Л. Толстой, будучи хорошим всадником, не мог не понимать, что события, описываемые в романе, далеки от возможных в реальности, в отличие от тех, что представлены в черновом варианте. По всей видимости, важным для писателя было показать прямую вину Вронского в гибели животного.

Магда в повести В. Сосноры при прыжке с обрыва ломает холку, всадник при этом также не пострадал. Автор снимает со своего героя часть вины, поскольку тот не хотел совершать столь рискованный трюк. Что же касается травмы животного, то она достаточно

распространена, однако является несмертельной и хорошо поддается консервативному лечению. Лошадь возвращается в работу без каких-либо ограничений, то есть данная травма не является и показанием к усыплению животного. Таким образом, вариант, описанный В. Соснорой, является более реалистичным, однако непонятной остается смерть животного. Видимо, ему, как и Л. Толстому, было важно показать, что травма связана с положением всадника на лошади, его непосредственной виной в её гибели.

Можно добавить, что наиболее распространенной смертельной травмой лошади является перелом ноги. Лошадь легко может получить ее во время скачки, конкура, отдыха в леваде, транспортировки, прогулки в поле. Даже современная ветеринария не в состоянии в подавляющем большинстве случаев помочь животному, поэтому серьезный перелом является однозначным показанием к усыплению. Но при такой травме большая часть вины ложится на само животное либо на неудачные обстоятельства (тяжелый грунт, ямы, скользкая дорожка и т.д.), что противоречило бы художественной задаче авторов.

Вронскому неоднократно ставилось критиками в упрек, что его чувство к Анне было недостаточно глубоким, поскольку и по человеческим качествам он уступал героине. Набоков считал, что уход Вронского на фронт добровольцем – это «единственный запрещенный прием в романе: слишком он прост, слишком кстати подвернулся» [Набоков 1999, 223]. Вронский психологически сломлен смертью возлюбленной и уезжает добровольцем в Сербию, желая найти смерть на поле боя. Герой повести В. Сосноры не буквально, но повторяет судьбу Вронского: Шихель стреляет себе в висок. Встает резонный вопрос: что толкнуло героя на самоубийство? После смерти Магды ему предлагалось выбрать других лошадей на лучших конных заводах. Представляется, что ответ на данный вопрос кроется в мотивировке других поступков Шихеля: его пощечин за антисемитизм, его стремлении уравнивать в правах богатых и бедных, его готовности спасти жизнь невинного существа с риском для себя, даже если речь идет всего лишь о лошади. Обостренное чувство справедливости, ощущение собственной ответственности за все происходящее в мире не позволяют герою смириться с лицемерием и ложью, свидетелем и участником которых он становится. Когда человека с обостренной совестью ставят перед необходимостью чрез нее переступить, это влечет за собой психологический слом, пере-

жить который невозможно. То есть Шихель, в отличие от Вронского, является самым глубоким, человечным и нравственным героем произведения. Он, как и Раскольников, оказывается неспособным пойти на сделку с собственной совестью, но в отличие от героя Ф. Достоевского не получает шанса на духовное воскресение.

В «Преступлении и наказании» образ лошади также является значимым и неоднократно появляется на страницах романа. Наиболее важным является символическая трактовка этого животного как безвинной жертвы человеческого произвола, человеческих страстей. Показательно сравнение Лизаветы, убитой Раскольниковым, с лошадью, а также первый сон героя, в котором ему видится, как пьяный Миколка жестоко забивает до смерти кобылу. Этот сон также имеет свой литературный источник – стихотворение Н. Некрасова «Под жестокой рукой человека...».

Таким образом, повесть В. Сосноры строится на взаимодействии с широким кругом литературных и мифологических источников, за счет чего локальная история частной жизни разрастается до широких обобщений.

Источники

Соснора 2018 – Соснора В. *Вторая проза*. М., 2018.

Толстой 1987 – Толстой Л.Н. *Собр. соч. в 12 т. Т. 7*. М., 1987.

Литература

Бабаев 1978 – Бабаев Э.Г. «*Анна Каренина*» Л.Н. Толстого. М., 1978.

Гордин 2018 – Гордин Я. *Литературные варианты исторических событий – что это такое?* // Соснора В. *Вторая проза*. М., 2018. С. 5–9.

Набоков 1999 – Набоков В.В. *Лекции по русской литературе*. М., 1999.

Эйхенбаум 2009 – Эйхенбаум Б.М. *Лев Толстой: исследования*. СПб., 2009.

MYTHOLOGICAL AND LITERARY SOURCES OF V. SOSNORA'S NOVELLA *MAN AND HORSE*

© **Bolnova Ekaterina Vladimirovna** (2021), ORCID: 0000-0003-4956-642X, SPIN-code: 7779-0276, PhD in Philology, assistant Lecturer, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (23 Prospekt Gagarina (Gagarina Avenue), Nizhnij Novgorod, 603950, Russian Federation), eka332@yandex.ru

The article examines the mythological and literary sources of V. Sosnora's story *Man and Horse*. Comparative-historical, cultural-historical, descriptive, formal methods of literary research are used. The first part analyzes the plot, the system of images, linguistic and compositional features of this work. The question of the genre originality of V. Sosnora's text is examined separately. The author defines the genre of the work as a historical novel, which required comment and clarification, since this genre definition applies to *Man and Horse* only with certain reservations. Observations are made concerning the presence of fairy-tale elements and motifs, mythological plots and images in the structure of V. Sosnora's work. Point coincidences with the texts of F. are given Rabelais, F.M. Dostoevsky, R.L. Stevenson, D. London, G. Melville, J. Verne, V. Bogomolov, A. Fadeev, M. Sholokhov. The greatest attention is paid to the context associated with the attitude of the protagonist Samuel Movshevich Shikhel to the mare Magda. Parallels are drawn with the images of the heroes of Leo Tolstoy's novel *Anna Karenina*: Vronsky, Karenina and the horse Frou-Frou, as well as the plot situations of this text. The similar motives of the death of a beautiful animal through the fault of man, the symbolic correlation of the images of a horse and a woman are compared. An unambiguous conclusion is made that the novel by L.N. Tolstoy is an important literary source of V. Sosnora's story *The Man and the Horse*, which helps to adequately and fully reveal the author's intention. In conclusion, the idea is given that the story of V. Sosnora is based on interaction with a wide range of literary and mythological sources, due to which the local history of private life grows to broad generalizations.

Keywords: V. Sosnora, L.N. Tolstoy, the image of a horse, reminiscences, allusions.

References

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

Гордин 2018 – Gordin Ya. Literaturnyye varianty istoricheskikh sobytiy – chto eto takoye? [Literary versions of historical events – what is it?]. Sosnora V. *Vtoraya proza* [Second prose]. Moscow, 2018. (In Russian).

(Monographs)

Бабаев 1978 – Babayev E.G. «Anna Karenina» L.N. Tolstogo [«Anna Karenina» by L.N. Tolstoy]. Moscow, 1978. (In Russian).

Набоков 1999 – Nabokov V.V. *Lektsii po russkoy literature* [Lectures on Russian literature]. Moscow, 1999. (In Russian).

Эйхенбаум 2009 – Eykhenbaum B.M. *Lev Tolstoy: issledovaniya* [Leo Tolstoy: research]. SPb., 2009. (In Russian).

Поступила в редакцию 10.12.2021